

«От психологии — до необузданного
секса. И обратно».

АЛЕКСЕЙ ЖИДКОВСКИЙ

НИНО

И ЕЕ РЕАЛЬНОСТЬ

АНТИРОМАН О ЛЮБВИ

АННА
ТЕПЛИЦКАЯ

Слишком личное. Откровенно о сокровенном

Анна Теплицкая

Нино и ее реальность

«ЭКСМО»

2026

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Теплицкая А. А.

Нино и ее реальность / А. А. Теплицкая — «Эксмо»,
2026 — (Слишком личное. Откровенно о сокровенном)

ISBN 978-5-04-250545-4

ПРОДОЛЖЕНИЕ БЕСТСЕЛЛЕРА «НИНО И ЕЁ ПРИЗРАКИ» Нино разрушила семью и уехала по маршруту Петербург — Тбилиси в надежде наконец найти себя. В Грузии она встречает Сандро — мужчину, рядом с которым легко забыть, кем она была раньше. Остаться — или вернуться и попытаться восстановить разрушенный брак? В городе, где свобода ощущается острее боли, Нино оказывается один на один с собой — без иллюзий и без защиты. Теперь ей предстоит понять, где заканчивается прошлое и начинается настоящая жизнь. «Нино, которую мы так ждали, вернулась — и готова продолжить свою историю. Что ждет Нино во второй части? Сумасшедшие поступки? — Да. Поиск настоящей себя? — Да. Раскаяние, разоблачения, прощение, любовь, стремительные взлеты и падения? — Да, да и еще раз да. Если первая часть была по-питерски холодной, то вторая — по-грузински жаркая. Грузия здесь становится полноценным героем романа: задает ему особый ритм, создает атмосферу и очаровывает. Это путешествие не только по насыщенной жизни Нино, но и по старинным улочкам разных уголков страны. Сюжет второго романа остается совершенно непредсказуемым. И если в первой части Нино сразу предстала перед читателями без "масок", такой, какая она есть, то теперь они начинают слетать и с остальных героев. Хорошие оказываются плохими, плохие — хорошими. И снова — смело, ярко и современно». — Елена Немец, книжный блогер

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-250545-4

© Теплицкая А. А., 2026

© Эксмо, 2026

Содержание

Действующие лица и краткое содержание первой книги	7
Глава 1	8
Глава 2	10
Глава 3	13
Глава 4	16
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Анна Теплицкая

Нино и ее реальность

© Теплицкая А., текст, 2026

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

* * *

Действующие лица и краткое содержание первой книги

Семья Кецховели

Тамаз Кецховели – удачливый в двухтысячных бизнесмен, человек твердой воли и непрговоренных чувств. Вместе с семьей переехал из Тбилиси в Петербург в 1992 году. Отец Нино

Ольга Кецховели – сибирячка, вышла замуж за Тамаза в юном возрасте и прожила с ним всю жизнь

Нино Кецховели – родилась в 1991 году. На фоне кризиса в семейной жизни обратилась к психотерапевту-гипнологу, пытаясь спастись от алкогольной и любовной зависимости. Осталась без мужа, без любовника и без иллюзий

Лиза Кецховели – бабушка Нино, хранительница рода. До последнего дня жила в Грузии, оберегая старое поместье в Ксани

Давид Кецховели – дед Нино, человек земли и виноградной лозы

Бонишевские

Алексей Александрович – полковник спецслужб, старше своей жены Нино почти на десять лет. Часто находился в разъездах, ушел от Нино к другой женщине

Давид/Датоша – старший сын Нино

Матвей – младший сын Нино

Валентина Бонишевская – мать Алексея Александровича, вдова, женщина строгих правил и железной воли

Семья Беридзе

Гела Беридзе – успешный предприниматель с мрачным прошлым, связанным с грузинской националистической организацией «Мхедриони». Бежал из Тбилиси после кровной мести за своего старшего брата. Первый любовник Нино, человек страсти и гордыни

Дато Беридзе – старший брат Гелы, член «Мхедриони», был убит в Тбилиси в 1992 году

Лейла Беридзе – жена Гелы, знающая больше, чем говорит. Мать Ии и Левана

Ия Беридзе – блогер, лучшая подруга Нино. Пережила развод, вышла замуж за Серго и мечтает о ребенке как о втором шансе

Леван Беридзе – младший брат Ии, математик по образованию. В детстве был влюблен в Нино и слишком рано понял, как устроен мир

Прочие лица

Николай Васильевич – гипнолог-психотерапевт, специалист по зависимостям. Человек, который научил Нино входить в прошлое и пытался научить выходить из него

Никита/Ник – молодой любовник Нино. Работает в венчурной индустрии, говорит на языке стартапов, рисков и быстрых решений

Алиса – подруга Нино, трудоголик. Устроила ее на работу в бизнес-клуб

Михаил Воробей – харизматичный основатель бизнес-клуба

Валерия Воробей – жена Михаила, чья ревность стоила Нино работы

Фрося – молодая сотрудница бизнес-клуба «Гиганты». Не замужем, влюблена в Михаила Воробья

Глава 1

Я стояла на вершине Мтацминда и вдыхала в себя Тбилиси с высоты. Грузия замерла в ожидании моего приговора. Столица подо мной совершенно не походила на жестокий город из рассказов Гелы. Люди здесь страдали от коррупции, жилищного хаоса, легкого политического абсурда, но, парадоксально, здесь ощущалось больше свободы, чем где-либо. Как будто нищета и грязь были индульгенцией: делай, что хочешь, все равно хуже не будет. Сегодня я была мило-стива, как Святая Нино: несмотря на невзрачный вид, я решила дать моей родине шанс.

Уже две недели я жила в самом модном отеле города Stamba, осваивалась и привыкала. Я совершенно одна. Портье одаривали меня жалостливыми улыбками, недоумевали, отчего юная женщина методично напивается, валяясь на шезлонге, часто плачет и жалеет себя. Я бесконечно жарилась на солнце Сакартвело, смотрела подкасты на грузинском – не знаю зачем: понимала я от силы процентов десять, зато выучила имя премьер-министра.

В дорогих номерах знающие толк в жизни дизайнеры расположили ванны прямо на балконе, вот поэтому я быстро освоила новую привычку и каждый вечер нежилась в горячей воде, наблюдая за медленным падением солнца. «Начинается моя жизнь довольно неплохо», –

думала я, потягивая вино из бокала. Несколько раз мысленно повторила: «Я грузинка, и я дома», будто пыталась вспомнить вкус этого состояния. Конечно, я понимала, сколько требуется работы, чтобы узаконить такое спорное убеждение. А что, выучу грузинский, исхожу Тбилиси вдоль и поперек, найду любовь и брошу курить... Глупое дело откладывать никак нельзя, а то передумаю!

Я поднялась из ванны и подмигнула своему отражению. Голая упругая женщина в зеркале стояла, упершись худыми руками в бока и обратив загорелые ягодицы к городу. «Секрет молодости в вечном страдании, уж точно», – подумала я и спустилась на оживленную улицу Мераба Костава.

Солнце уже коснулось горизонта, разом охладив воздух. Прохожие накинули на плечи куртки, когда я вышла из книжного, зажав под мышкой два самоучителя по картули. Через несколько шагов, прикупив подозрительно дешевые национальные сигареты Georgia Naturals, я направилась в сторону Сололаки к Вифлеемской лестнице, остро ощущая свою грузинскую идентичность, словно она ударила мне в голову как домашнее вино. Когда-то разбогатевшие армянские купцы выстроили здесь целый район, стены будто не успевают подобрать фасад: тут керамический лев, там облупившаяся штукатурка, дальше кусок персидской плитки.

Сейчас Сололаки, как и наша улица Рубинштейна, по большей части знаменит своим бархопингом, но днем тут кипит странная жизнь: в подъезде напротив предлагают крафтовый сидр, через дорогу молодой режиссер открывает микротеатр на двадцать зрителей. На углу улицы Дадияни густо пахнет тмином – это пекарня вытаскивает из печи шоти, гнущиеся как хатха-йоги.

– Девушка, – крикнул мне на русском симпатичный парень. – Вы актриса?

– Актриса? – переспросила я со смешком. – Увы, нет.

Учебники я тут же спрятала в объемную сумку, чтобы не палиться. Я ловила себя на мысли, что стараюсь держать рот закрытым: местные недолюбливали русских. По дороге я купила персиковые шарики мороженого и дальше шла, чуть пританцовывая. Так вот почему в Питере я не любила мороженое! На севере ты должен питаться по-другому, чтобы выжить. Например, пиво как дешевый анестетик от поступательной сырости, семечки – карманные четки от тревожности и, пожалуй, корюшка. Она – маленький тотем дохлой рыбы, всплывающей брюхом вверх после каждого душевного шторма. Я села на скамейку и закурила; с моего места отлично просматривалась величественная фигура Картлис Дэда – Мать Грузия. Эта

статная женщина держала меч для врагов и чашу с вином для гостей, платье сидело на ней так, будто снято с подиума.

– Ну что, дэда, нальешь мне веселья? – спросила я.

Статуя на меня и не смотрела. Зато подошла ластиться блохастая кошка, я одними губами сказала: «Сссь...гинь», и она, кажется, понимала русскую речь лучше некоторых.

Я вернулась в Stamba за полночь, сбросила сумки и, преодолев желание потанцевать голой перед зеркалом с бутылочкой белого, схватила самоучители. «Хватит, Нино, бездельничать, смысл в том, чтобы учиться и в этом процессе обрести себя». Я раскидала коробки с обувью и нашла широкоформатный блокнот в бархатной обложке. Покусала кончик цветной ручки и придумала название «Изучение Грузии и самой себя». Весь смысл ежедневных трудов в дисциплине и новых знаниях о мире и о себе. В качестве духовной и грамматической практики каждый день я буду добавлять сюда несколько абзацев.

Мягкий переплет блокнота гнулся в руках. Первое задание – выписать на грузинском слово дня; трудность в том, что все закорючки должны быть выведены идеально. Я подумала, сверилась с самоучителем и написала «амбори». Мое первое слово на первую букву грузинского алфавита (ა – ани) – «поцелуй». Это мое личное слово, которое составляет всю сущность целиком. Я сама королева переходов: от детства к зрелости, от одиночества к близости... кроме того, я просто обожаю целоваться.

Вторым блоком идет мудрость грузинского народа. По задумке, надо найти емкое выражение, которое соответствует настроению, запомнить его, а потом вставлять в речь с умным видом. Я открыла сборник стихотворений, выбрала наугад Галактиона Табидзе; мужику с именем повезло – самое крутое имя во вселенной. Естественно, он писал про любовь, и я аккуратно перенесла символы на бумагу: «усикварулод мзе ар суфевс цис камаразе»¹. Кажется, уже через минуту я спала под диджей-сет, доносившийся с крыши.

¹ Нет без любви сиянья солнца в небесах.

Глава 2

Мои дни превратились в бесконечный экскурсионный поток. Без отдыха я шатаюсь по городу, запоминаю дорогу, учусь ориентироваться в хитросплетениях улиц. Беру хинкали в Pasaauri – четыре штуки, считаю складочки, как учила Лейла: «...ровно двадцать одна, и это истинное мастерство».

– Почему это двадцать одна? – удивляется Гоги, который работает здесь уже тридцать лет. – Эталон – девятнадцать! Хинкали символизирует солнце, а складочки – девятнадцать богов севера Грузии. «Ха-ха, Лейла, оказывается, никакой ты не эксперт», – подумала я, а вслух сказала:

– Спасибо, Гоги, это очень важно для меня!

Я заглатываю плотные мешочки и не могу наестся. Они лопаются во рту, выпускают питательный бульон. Руки тянутся к следующему, прежде чем я успеваю отложить узелок из теста. Нервно поглощая еду и спиртное, я размышляю о вчерашних «делах»: спала в кресле Театра марионеток Резо Габриадзе, безучастно смотрела на тбилисские пейзажи в доме-музее Ахвледиани, валялась на траве за бамбуковой рощей в Ботсаду. Темп, с которым я прорастала в свою новую реальность, отпугивал на время гнетущие воспоминания и оставлял меня в безмятежном неведении о моем внутреннем состоянии.

Несмотря на обуявший меня голод, я становлюсь все худее. Ловлю отражения в витринах и удивляюсь, настолько эта женщина не походит на питерскую Нино. В детстве я мечтала быть не простой худой – тощей, как модели из глянцевого журнала. Все сбылось: глаза, обрамленные черной подводкой, сделались на контрасте с изможденностью лица совершенно огромными. В новых шмотках я вполне могу сойти за свою: широкие брюки сложного кроя, короткий тай-дай-топ, бейсболка с надписью «Virgin Prostitute» и сумка, будто ее с рождения не стирали, – треш-эстетика. Как будто только выползла из техно-клуба Bassiani. Черные очки влипли в мое лицо, и я уже не представляла, как оно выглядит без закрывающих глаза стекол. Я окончательно спряталась, и это стало лучшим решением моей новой жизни.

Я миновала очередной двор. Когда-то здесь накрывали длинные столы – его обитатели собирались вместе и трапезничали, все было принято делать сообща: устраивать свадьбы, отмечать праздники, справлять поминки. Интересно, как бы я относилась к этому городу, если бы родилась здесь, просыпалась бы каждое утро в одном из этих домов из плотного кирпича? Мысли опять поплыли: «Какой бы я была? Уверенной и смелой, как Ия, или, наоборот, город приручил бы меня, и я стала бы женщиной, четко осознающей свою принадлежность к этой земле, а поэтому тихой и покорной?» Любопытно, за кого бы я вышла замуж? Так сложилось, что мой папа сбежал из Тбилиси за руку с Гелой, и я выросла в чужом мне городе, встретила Алексея Александровича, человека, как оказалось, мне совершенно неподходящего. Что ж, как вышло, так вышло, и тут уж ничего не поделаешь. Эти размышления навевали тоску, но, несмотря на это, мне нравилось совать нос в чужие семьи и представлять себя их частью. И главный вопрос был: «Если бы Тамази остался здесь, что бы осталось от меня?»

Впереди дом в мавританском стиле с милой башенкой – улица Иванэ Мачабели, я ее уже знаю. Второй поворот направо после второго поворота налево оказался улицей Беридзе, я сунула туда свой нос и удивилась тому, какая она вонючая. Из прошлой жизни последней, кого я видела, была Ия Беридзе. Ровно три недели назад. Она стояла в проеме гардеробной, когда я швыряла вещи в чемодан, и проклинала меня на чем свет стоит.

– Где твоя поддержка, Ия? Меня только что бросил муж!

Она разразилась бранью на грузинском.

– Впервые рада, что не понимаю ни слова, – сухо сказала я.

– То, что он гондон, не дает тебе права поступать так со всеми нами! Особенно с мальчиками!

Протолкнув внутрь лабутеновский каблук, я еле застегнула молнию и, отряхнувшись, твердо сказала, чтобы Ия не лезла в мою жизнь.

– Ты знаешь, куда он ушел? К кому? – спросила она.

– Знаю. К Василисе.

Ия замолчала, а потом затараторила с новой силой: «Ты уверена, Лаг'ираки²? Может, он это нарочно. Пока не доказано, не *****, что сказано!»

– Он должен теперь предоставить доказательства своей измены? Ты слышишь, что говоришь? Какого ты о нем высокого мнения!

– Алексей тебя любит, я знаю точно.

Вместо ответа я хлопнула входной дверью и ушла, оставив ее с моей квартирой наедине. Это был последний человек, с которым я так или иначе попрощалась. Свой номер я выбросила на следующий день.

В четверг я прогуливалась по дорожному Вера и с удовольствием подумала, что хочу остановиться в Тбилиси не понарошку, а по-серьезному. День был прекрасный и настраивал на размышления. На Лео Киачели я сразу заметила особняк цвета старой терракоты с гипсовыми маскаронами – полуразрушенное богатство уходящей эпохи. Здесь живут бывшие оперные певцы, наследники громких грузинских фамилий, наверняка и женщины с разбитым сердцем. «Мое место», – щелкнуло внутри. Я даже не удивилась, когда самая большая квартира на последнем этаже оказалась пустующей.

– Живший там художник сбежал в Берлин после неудачной выставки, – из подъезда вышла болтливая старушка с таксой по имени Бахтияр – она и стала моей первой тбилисской подружкой.

Денег после расставания с Алексеем Александровичем хватало, и десять с половиной тысяч лари в месяц на аренду для меня пустая формальность. Я подробно заполнила карточку, с особенной тщательностью выписав никому не нужное отчество. Хозяйка удивилась, что я планирую жить в одиночестве:

– У тебя что, нет детей?

– Ара, марто вар³, – на ломаном грузинском объяснила ей я: одна.

Она пожала плечами, но смотрела с подозрением, видимо, все же выдавала меня расплывшаяся фигура, хотя хотелось думать, что ею двигало простое грузинское недоверие к самодостаточному женскому одиночеству. Сама она страшно гордилась тем, что четверо детей подарили ей уже десятерых внуков: «Одиннадцатый на подходе». Она ждет задаток. Вместо паспорта я кидаю на стол пачку розовых лари.

– Только не снимайте виноград с балкона, – говорю. – Он мой.

Ключ хрустнул в замке, и дверь широко распахнулась, вдыхая меня вместе с медовой жарой Старого Тбилиси. Пыль повисла в воздухе, и я замерла, оглядываясь: квартира великолепна. Четыре арочных окна в два человеческих роста, кованый балкон смотрит на влитую в гору церковь Святого Давида. Я бросила вещи, кинула сумку на винного (естественно!) цвета диван и побежала по просторному холлу: паркет скрипит, у каждой доски свое мнение, как и у меня. Свечи – везде, стеллаж с книгами на русском, французском и грузинском. Картины, оставленные предыдущим жильцом; никто не знает, кто он, но говорят, что художник был несчастен. «Кто говорит?» – спросила я хозяйку Бахтияра. «Все говорят», – ответила она. Рассматриваю полотна внимательно: больше всего нравится то, на которой разбитый бокал. В центре большая тумба с проигрывателем и пластинками: Гиули Чохели, Инола Гургули, Вик-

² Малявка.

³ Нет, я абсолютно одна.

тор Цой, «Орэра». Заглядываю в каждую из трех спален по очереди, выбираю для себя ту, которая в приглушенных оливковых тонах.

В девять вечера я опять залипаю в Fabrika, пью циви кава⁴ со льдом, в блокноте рисую схему: «Тбилиси против Санкт-Петербурга: плюсы и минусы» – и не нахожу ответов. Блокнот пополняется словами: «симартле» – «правда», «мохетиале» – «странник», «дзедна» – «поиск», «идентоба» – «идентичность».

Моя спальня находилась в южном крыле. Я повесила картину с бокалом рядом с кроватью. Никакие звуки не раздавались в квартире: никто не кричал, не хлопал дверью, не бил тарелки неуклюжими руками. Я неторопливо умылась и причесала волосы, набрала номер моей тетки Тинико. На самом деле где-то глубоко во мне жила надежда, что, как только я увижу наш дом в Ксани, место, где я познакомилась с Ией и Гелой, грузинский язык вернется вновь без всяких усилий; от самоучителей у меня во рту осталось дурное вчерашнее послевкусие.

Ответил мужчина.

– Позовите, пожалуйста, к телефону Тинико.

– Его нет.

– Я не про Зурико, я про Тинико.

– Его тоже нет.

Я сдержала смехок: грузины в большинстве своем часто путают женский и мужской род в русском языке из-за того, что в их языке таких категорий попросту нет. Сквозь межъязыковые трудности пришло понимание, что я говорю с сыном Зурико. Объяснила, что я дочь Тамази, и мы условились, что я приеду в Ксани в пятницу.

С первым лучом солнца я распахнула окна настежь, накинула халат и вышла на балкон, ощущая себя синьориной. Тбилиси встречал свою новую жительницу теплым воздухом и зарождающимся рассветом. Я уставилась на него: сложно представить, что нам, петербуржцам, солнце так долго заменял вздувшийся пузырь купол Исаакиевского собора, что я уже совсем забыла, как оно греет по-настоящему.

⁴ Холодный кофе.

Глава 3

*Квелазе саишии, рац гваквс – чвени царсулиа. Да проблемац
имашиа, ту ра вукот мас / Прошлое – это самое страшное, что у нас
есть. И что с ним делать – это самая большая проблема*

Я вернулась туда, где училась быть Нино Кецховели. Не Ниношей, не Ийкиной подружкой и не женой офицера Бонишевского, а самой собой. Целый год прошел с того момента, как я лежала на кушетке у Николая Васильевича, тогда подсознание и сообщило мне, что Ксани, деревня, в которой я родилась, символизирует для меня персональный рай. Тогда ведь, до Петербурга, до своей «взрослой жизни», я чувствовала себя по-настоящему счастливой?

Пейзаж казался смутно знакомым. Прозрачная в былые времена Ксани обмельчала: вялая вода оголила каменистое дно. Я закрыла глаза: по широкой дороге мы с Тинико бежим навстречу друг другу. Хватаем Зурико за мягкие ручки, крутим его в вихре и бросаем в полноводное течение реки. В полете он визжит от радости, а потом несколько раз переворачивается в бурлящей воде: мы хохочем над его маленькими розовыми пятками. Нам предоставляли полную свободу шнырять по чужим дворам, прыгать в речку со скалы, кидаться камнями, тырить фрукты из садов Бичия, и вот, будто совершив полный круг, я вернулась.

Щелкнув зажигалкой, я закурила, стащила босоножку и опустила ногу в мутную воду. Оно и ясно: по внезапно выросшему виадуку с грохотом пронесся поезд, высыпав на Ксани дождь из грязи из пыли. Отсюда до деревни четверть часа в гору Саркинети. Я бросила в подобие реки недокуренную сигарету.

Дом узнал меня раньше, чем я его: «Тебя давно не было», – с укором сказал он. За время моего отсутствия крепкое родовое поместье превратилось в рухлядь.

Я ступила на гранитную дорожку, раскрошившуюся на раскаленной почве и потерявшую большую свою часть, и неуверенно сделала несколько шагов. Гранатовое дерево у входа исчезло – исчезло все. Лоза агонизировала: переспелый виноград, плотно скрученный липкой паутиной в темные коконы, падал сверху и вяз на камнях. Трава изобиловала сорняками, среди которых змеились протоптанные тропинки. Качели у стены. Те самые, крашенные в красный и желтый, скрипнули, испугав меня. Я провела рукой по дверной ручке – заперто. Я помнила, как сдвинуть ключ в замке, вниз и влево.

– Рас эдзэбт ик, ха?⁵ – окликнул меня старушечий голос.

– Меня зовут Нино Кецховели, – громко сказала я.

– Нино, швило, шен хар?⁶ Гамарджоба, Нино, генацвале!⁷

Бабка заплакала и сжала меня в объятиях. Шептала мне в шею и в плечи. Было не совсем приятно, но какая-то часть сжалась от того, какая она проникновенная. Кто это, я не имела никакого понятия. Она объясняла по-грузински, срывая голос и жестикулируя, а я чуть кивала не в такт.

– Тинико? Зурико? – удалось вставить мне знакомые имена в ее протяжную песню.

Она всхлипнула, достала бумажку и написала номер.

– Тинико?

– Ахла мбвлэн⁸. – Бабка вскинула руку, пошарила в бездонном кармане и выудила тяжелую связку ключей. – Щемоди, щемоди!⁹

⁵ Что вы там ищете, а?

⁶ Нино, деточка, ты?

⁷ Привет, родная наша!

⁸ Сейчас придут.

Я, понутив голову, побрела за ней. Мы зашли в пустой дом, и она, расцеловав меня напоследок, вдруг исчезла, оставила меня в месте, где все неузнаваемо знакомо. У двери висел пакет с кроссовками сорокового размера. Комнаты служили складом для чьих-то вещей: матрас у стены, одежда, разбросанная на пыльном диване, поломанный велосипед без цепи, несколько деревянных икон, захлавленная веранда. Я открыла ящик и тут же закрыла. На каждом столе пепельница, полная толстых желтых окурков. Они были здесь везде: в банках из-под фасоли, в горшках с мертвыми растениями. Такие следы оставляют мужчины, которые живут на бегу, спят на диванах и уходят до рассвета. Дом был заброшен, но не покинут.

Я поднялась по лестнице. Пахло старым постельным бельем. Я забыла, что запахи не исчезают. Это смесь крахмала, застоявшегося тепла и розовой воды – бабушка Лиза стирала каждую среду, и после этого весь дом еще несколько дней источал тонкий сладковатый шлейф. На втором этаже все так же стояло старинное зеркало в узкой резной раме; мы с Ией кривлялись перед ним, как и позже перед любым другим. Когда я взглянула на свое отражение, мне показалось, что оно обращено не внутрь, а наружу.

Остальные комнаты не подкинули мне ни единой вещи, которая бы напомнила о детстве. Я думала, что почувствую себя вновь маленькой, любопытной и раздувающейся от счастья, а я чувствовала себя тридцатичетырехлетней женщиной в доме, где ей больше нет места. Только на чердаке я нашла наш с Ией настольный проигрыватель: черный в цветочек. Сердце затрепетало, и я бережно погладила прозрачную крышку, стирая пыль, пробежалась пальцами по кнопкам, которых уже давно никто не касался.

В дальнем углу небольшая коробка, в ней кукла, одетая в самодельное платье, мятая открытка, фотография с двумя обнимающимися девочками. Все это было невыносимо живым. Присмотревшись, я сначала увидела знакомое платьице, свои красные сандалии, а потом уже узнала себя. На обороте подпись «Нино и Тата», но Тату я забыла напрочь.

На дне тетрадь, все листы чистые, только слово «гулгула», написанное мной в пять лет. Мы с Ией так называли состояние безумного страха. Ни в одном языке такого нет, только в нашем. Еще наша с Ией записка. Пожелтевшая бумажка, сложенная вчетверо, с надписью: «Гахсени мхолод машин, ту моквдеби»¹⁰. Для меня это все звучало бессмыслицей. Странно, я все помню и в то же время не помню ничего. Бумажка пахла старостью, я вдохнула и вдруг явственно вспомнила, как Ия берет фломастер, бормочет под нос. Мои глаза расширяются – я все понимаю: «Открой, только если умрешь».

Записка нагрелась в руках, и мир дернулся – меня втащило в знакомый коридор. Впервые мне удалось совершить гипнотический прыжок самостоятельно. Николай Васильевич говорил, что «интросуггестия» – это не магия. Это просто момент, когда сознание уступает место памяти. Наверное, у каждого свой спусковой крючок: одни проваливаются внутрь себя от музыки, от какой-то одной, цепляющей нерв ноты, другие – от ощущений, третьи – от запахов, и иногда достаточно просто оказаться в пространстве, которое знает тебя лучше, чем ты сама. Дом, который помнит мой голос, мою походку, мой детский страх. Дом, который слишком долго ждал моего возвращения.

Передо мной только одна дверь – в мою спальню в Ксани: зеленая, с нарисованным детской неумелой рукой цветочком, мои листочки белые, Иины – алые. Потянув ее на себя, я оказалась в 1996-м. В комнате бабушка Лиза и шестилетняя Ия. За окном душная ночь, сверчки трещат так, будто сговорились. Света нет, все село погружено во тьму, только свеча на столе. За окном лают собаки, я различаю Джульбарса и тонкое тьякканье Лэкви. Бабушка дует на огонек, и он, боясь потухнуть, дрожит. Чувствую, как мое маленькое сердечко колотится так, будто сейчас убежит.

⁹ Заходи, заходи!

¹⁰ Открой, только если умрешь.

– Было ли то, не было ли... – начинает Лиза, – жила женщина, и были у нее две дочери. Старшая – Ила, крепкая девочка, как камень. Младшую звали Нани, и была она легкая, как лепесток.

Лиза квохчет по-грузински, и я понимаю каждое слово.

– Это мы, Нино, – шепотом говорит Ия. – Она просто испортила имена!

Бабушка подмигнула, и голос ее стал ниже:

– Жили эти красивые девочки вместе, ели из одной чаши, спали на одной подушке. Они были неразлучны, как луна и ее отражение в воде. Смеялись так, что весь двор дрожал. В ту пору по ночам в селе бродили дэвы – не люди и не звери, с красными глазами и пастью до ушей.

Свеча треснула. Ия вздрогнула, сказала: «Гулгула» – и прижалась ко мне. Бабушка Лиза поправила свечу, и тень ее стала длинной и кривой, как штык. Голос стал хриплым, будто из глубины земли:

– Они приходили, когда в доме смеялись дети, потому что детский смех был для них самым сладким мясом. Однажды ночью старшая девочка проснулась оттого, что в комнате пахло серой и мокрым камнем. У кровати стоял дэв, длинный, как тень, и держал ее сестру за волосы. Девочка закричала, но мать не проснулась: дэвы умеют делать так, что взрослые спят, пока они воруют малышей. Имя Илы, тяжелое, каменное, не смогли ухватить. А имя Нани было легкое, легкое... Дэвы ухватили его и утащили прочь. Запомните, девочки, – сказала она и глянула так, будто сквозь стену, туда, где горели далекие костры. – Когда вокруг война, легче всего украсть имя. Убьют отца – сын забудет, как его звали. Сожгут дом – дочь будет ходить без имени, пока не возьмут ее дэвы. Потому я вам сказку рассказываю. Чтобы знали: смех – не игрушка. А дэвы и люди ничем не отличаются.

Утром мать зовет:

– Нани, иди сюда!

А девочка сидит молча, не оборачивается. Нет у нее имени, нет. С тех пор ходила она за сестрой как тень. Сидела рядом, спала рядом, а глаза пустые, как две угольные дыры.

Ила прижимает сестру к себе и шепчет:

– Ты моя Нани, ты моя девочка.

А та качает головой:

– Я не Нани. Нет у меня имени.

Говорят, что безымянные дети не взрослеют. Они остаются маленькими, пока их не заберут обратно дэвы.

– Я бы вытащила ее, Лиза! Я бы вернула Нино ее имя! – прервала сказку Ия и в гневе затопала босыми ногами.

Бабушка кивнула:

– Смелая Ила пошла в горы, искать имя сестры. Она дошла до пещеры, черной, как зев. Внутри дэвы пировали: на каменных блюдах лежали детские кости, вместо чаш – черепа, а в углу сидела ее сестра. Она хотела взять ее за руку, но младшая покачала головой: «Если тронешь меня, сама останешься здесь навсегда. Если уйдешь, я останусь с дэвами, но ты будешь жить». Ила вернулась домой, но навсегда осталась с тенью в сердце.

У меня в глазах зашипало от страха, я открыла пересохший рот и жалобно произнесла:

– Что же делать, бэбия?? Я теперь навсегда останусь призраком?

– Не знаю, Нино. Каждая девочка сама в ответе за свою судьбу.

Глава 4

*Мхолод дгес ту унда мовквде – эс саишишиа, холо ту «одесме» –
машин араперия саишиши / Только сегодня умереть – страшно, а если
«когда-нибудь» – то ничего*

Свеча потухла, и темнота резко сомкнулась. Я нашла себя сидящей на корточках в темноте.

– Нино?! Ты тут?

Лестница протяжно застонала, на чердак поднялся Зурико, которого я не видела с тех пор, как ему исполнилось восемь. Тогда он выглядел устрашающе: еще не успели окончательно зажить ожоги, которые он получил, упав в раскаленный тонэ.

– Зура! – я поднялась с колен, и мы обнялись так крепко, будто хотели убедиться, что мы оба настоящие.

Мой двоюродный брат отстранился, и свет снизу разрисовал его лицо резкими тенями. Теперь ему было больше сорока: тонкая кожа, тусклые волосы. Губы от постоянного курения уже слегка сморщились. Бледная карта ожогов нанесена на всю правую часть его лица и шеи, но глаза прежние: внимательные, темные, глубокие.

– Зачем ты здесь, наверху? – спросил он. – Пойдем вниз, чего-нибудь пожую.

На первом этаже Зурико наспех накрыл на стол: сутился, ронял ложки, ставил стаканы мимо салфеток. Рассказывал он быстро, взволнованно, как человек, которому давно не давали говорить.

– Женился, развелся, двадцать лет в театре... ставлю пьесы... даже премьер приходил.

– Ираклий Кобахидзе, – вставила я, довольная собой.

Зура глухо расхохотался:

– Ты уже здесь все знаешь, так? Сколько времени здесь?

– Пару недель. А где Тинико?

– Тинкуша... он это... во Франции, лет десять. Ой, она, – сам себя поправил Зурико. – Детей подняла, работу нашла. Только это, весь объем души растеряла, так можно сказать? Совсем не приезжает, забыла нас, даже Гоги забыла. Помнишь такого? Через дорогу? – Он сменил тему. – У тебя планы на жизнь есть?

– Кто же знает, Зур, кто знает...

– Кто знает, никто не знает, – протянул он. – Ты замужем? Дети есть у тебя?

– Есть, двое.

– Они тут, как?

Я не ответила, и Зурико расстроено покачал головой. Меня кормили салатом из помидоров и пхали из шпината и свекольной ботвы – я огорченно поцокала языком.

Стукнула входная дверь, и в гостиной появился взлохмаченный подросток в больших кедах и мятой футболке.

– Это Георги, сын мой.

– Привет! Это я, – указала на себя, – звонила тебе, – широко открывая рот, я приложила трубку из пальцев к уху.

Мальчик на мои кривляния смотрел равнодушно, пожал плечами, будто ему было все равно, кто я такая, и бросил на диван кожаную сумку, рассыпав содержимое. Какой бы демонической силой беспорядка ни обладал Зур, он сумел передать его по наследству.

– Не обижайся: Георги не понимает по-русски, – объяснил Зурико.

Я пожала плечами и стала пить мелкими глоточками минеральную воду. Она была слегка солоновата, зато перебила вкус пхали.

– Почему?

– Теперь так принято, да... Молодежь не учит русский язык специально.

Зура погрел на кухне и вынес лепешки мчади, пахнувшие как теплая булочная взвесь. Кукурузная мука липла к зубам – я разочарованно пожевала пресную котлетку. Гиорги все же посмотрел на меня с недоброжелательным любопытством.

– Значит, теперь вы живете здесь вдвоем?

«Почему вы так запустили дом?» – хотела спросить я, но не решалась. Зурико сам был похож на деталь от старого шкафа: что-то щелкало в нем, когда он поворачивал голову.

– Почему здесь все в таком состоянии?

– Как говоришь ты такое? – изумился он.

– Ты не делал ремонт?

– Делал же. Как не делал? Смотри сюда: стенка эта была зеленая, помнишь? Вспоминай, ну? Вот. А сейчас есть темно-коричневая!

– Зура, мебель та же самая, что и тридцать лет назад.

– Зачем менять, Нино? Еще вполне сгодится.

Он говорил чуть сбивчиво, будто подслушивал собственные мысли. Все в нем было отложено на потом: и ремонт, и взгляд, сама жизнь. Дом достался ему в наследство, но, по правде говоря, он принадлежит всем детям Лизы и Давида в равной степени. Омари, Джемал и Тина умерли, папа исключен из завещания за побег в Ленинград, а значит, права на дом у Изы, Лианы, Зурико, Тинико и у меня. Просто мы никогда об этом не говорили. По взгляду Зуры я поняла, что он думает о том же самом и боится, что теперь я захочу жить здесь с ними. Не переживай, Зура.

– А где все остальные? – спросила я. – Где наши тетки?

Зурико вздохнул и сказал:

– Идем.

Мы уже шли к выходу: я бросила прощальный взгляд на гостиную и заметила в глубине серванта красивую рамку с лентой, выбивавшуюся из общего стиля.

– Что это?

Прежде чем Зура успел ответить, я оказалась в противоположном конце комнаты и схватилась за рамку обеими руками.

Бумага была ровной, без единой складки. Лиза протирала стекло, как будто там было лицо ее сына. Государственный театральный институт имени Шота Руставели, Тамаз Кецохели, год окончания 1991. Специальность «История и теория театра». И полустершаяся печать.

– Папин диплом?

– А-а-а-а... да, Тамазико, – неохотно сказал Зура. – Стоит тут.

Я вытащила из воспоминаний редкие моменты общения с отцом в последние годы. Он никогда не спрашивал, счастлива ли я. Он спрашивал, хватает ли мне денег и еще: «Сколько подарить мальчикам на день рождения?» Иногда я пыталась осторожно расспросить его о детстве, но всякий раз он замыкался в себе. Мама говорила, что Тамази так и не смог простить родителей за то, что они фактически запретили ему их навещать: «Он для них больше не существует, понимаешь? Старший сын по обычаям должен оставаться рядом с матерью и отцом, заботиться о них, а Тамази сбежал в другой город... Что ж, зато они всегда рады внукам. В этом я никогда не могла их упрекнуть».

Здесь, в Ксани, он остался совсем другим. Папа изучал чужие судьбы и чужие роли. Я представила молодого Тамази таким, каким его видела мать в тот год, – новоиспеченного выпускника престижного института. Долгие годы она хранила диплом как символ потенциала, который не реализовался. То, что он встретил мою мать и больше не вернулся в родной дом, – Лизин провал.

Я перевернула рамку: надпись на грузинском.

– Зур, что тут написано?

Он подошел, протер глаза и выговорил:

– Моему будущему театральному критику. Я буду хранить все твои статьи в газетах. С любовью, мама.

Первый и последний раз о нас написали газеты, когда Тамази заработал много денег и попал в региональный список коррупционеров.

– Я это заберу, – сказала я.

Зура пожал плечами. Он отвел меня на кладбище. Там, в огороженном углу, два надгробия: Лиза и Давид, мои бабушка и дед. Я долго всматриваюсь в их полустертые гранитные лица, слышу голоса детства: «Нино, чвено квелазе сакварело гогона!¹¹», «Моди ак! Чамис дроа!¹²» И запах медовых лепешек, и смех близких, и праздники, когда всей семье тесно и счастливо в одном доме.

Этого уже нет и никогда не будет. Я легла на каменную плиту, вода вокруг которой нагрелась солнцем. Лиза Кецховели – 1928–1998. Я помню, что бабушка ложилась рано и вставала в пять утра.

– Старая ведьма, – проговорила я вслух.

Когда мы снова увидимся, я задам ей вопрос: «Как ты додумалась рассказывать маленьким детям такие страшные сказки? Ты знаешь, почему я застряла? Как же я, девочка без имени, умудрилась ни капли не повзрослеть?» А она ответит: «Это же просто сказка, Нино! Ты сама сделала ее страшной». *Бабка Лиза не любила меня из-за предательства Тамази. Может, она прокляла его и весь наш род в бессильном желании вернуть сына назад?*

¹¹ Нино, наше самое любимое дитя!

¹² Иди сюда! Пора кушать!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.